
НЕ ВЛЮБЛЯЙСЯ
В МЕНЯ
современный любовный роман

Марта Ливнева

Не влюбляйся в меня

«Автор»
2026

Ливнева М.

Не влюбляйся в меня / М. Ливнева — «Автор», 2026

В один день Алиса потеряла жениха, работу и веру в любовь. А потом случайно поцарапала машину Максима Орлова — человека, который привык всё держать под контролем. Работа над старой гостиницей у моря должна была стать для них всего лишь деловым проектом. Но чем ближе открытие, тем сложнее соблюдать главное правило: не влюбляться. Чтобы быть вместе, им придётся научиться не только любить, но и говорить правду.

© Ливнева М., 2026
© Автор, 2026

Марта Ливнева
Не влюбляйся в меня

Глава 1. День, когда всё закончилось

В тот вторник я собиралась купить свадебные туфли. Вместо этого купила бутылку дешёвого вина, пакет замороженных пельменей и билет на автобус до другого конца города.

Туфли были бы красивыми. С закрытым носом, на невысоком каблуке — чтобы не оказаться выше Ильи на свадебных фотографиях. Он всегда просил меня не надевать каблуки. «Ты и так заметная», — говорил он, будто это был недостаток.

В десять сорок семь мне пришло сообщение от незнакомой женщины. Без приветствия. Только фотография: Илья в нашей спальне, в нашей постели, обнимает девушку с медными волосами. На тумбочке стояла моя чашка с отколотой ручкой.

Я позвонила ему один раз. Потом второй. На третий он ответил.

— Алиса, я на совещании.

— Скажи, что это фотошоп.

Он молчал так долго, что я успела услышать, как в офисе включился кофейный автомат.

— Мы можем поговорить вечером?

— Нет, — сказала я. — Вечером ты будешь собирать вещи.

Я положила телефон на стол и почему-то продолжила работать. Отправила клиенту три макета, исправила опечатку в рекламном слогане и только потом заметила, что руки дрожат.

Через час меня вызвала начальница. Агентство сокращало штат. Мой проект закрывали, а меня благодарили за вклад и обещали рекомендации. Я кивала, смотрела на её идеально ровную стрелку на веке и думала: удивительно, как в один день жизнь может аккуратно разобрать тебя на части.

Когда я вышла из кабинета, коллеги старательно не поднимали глаз. Только стажёрка Лена догнала меня возле лифта и сунула в руки папку с распечатками.

— Здесь твои эскизы для проекта «Дома у воды». Я сохранила, потому что они могут исчезнуть из общего диска. И ещё… Мне очень жаль.

Я почему-то обняла её. Девочка стояла, неловко держа над моей головой папку, словно боялась помять чертежи. Два года я придумывала для заказчиков слова «тепло», «близость» и «забота». Теперь они все звучали как рекламные трюки.

Свадьба была назначена на декабрь. Илья хотел ресторан с зеркальными стенами, я — маленькую церемонию и ужин с друзьями. Он победил, потому что «неудобно перед родственниками». Моя мама уже купила голубое платье, а я заказывала приглашения, из которых Илья вычеркнул фразу «будьте собой». Сказал, что это похоже на объявление психологического центра. Я послушно заменила её на «будем рады видеть вас».

В лифте я достала телефон и открыла нашу переписку. Последним его сообщением было: «Купи хлеба». Мне хотелось написать длинное письмо про обман, про нашу спальню, про то, как глупо доверяла человеку, который каждый вечер спрашивал, что будет на ужин. Вместо этого отправила: «Ключи оставь консьержу. За вещами приду завтра». Ответ пришёл мгновенно: «Ты преувеличиваешь». Так я впервые за семь лет узнала, что одно короткое предложение может закрыть дверь громче любого скандала.

Я позвонила Соне. Мы дружили с института, но последние месяцы виделись всё реже: я готовилась к свадьбе, она работала в детской больнице и часто приходила домой без сил.

— Скажи, что у тебя свободный диван, — попросила я.

— У меня есть диван, кот и половина торта. Только скажи, от кого прячемся.

— От бывшего будущего мужа.

Соня выслушала три предложения, не задав ни одного вопроса, и сказала:

— Адрес знаешь. Дверь открыта.

Я шла до магазина по улицам, на которых когда-то выбирала место для семейных прогулок. Всё вокруг было прежним: киоск с печёными каштанами, остановка, женщина, выгуливающая рыжую собаку в нелепой куртке. Странно, что город продолжал жить, пока мой собственный мир увольнялся без предупреждения.

К вечеру я уже стояла под дождём у супермаркета. Пакет порвался, пельмени рассыпались по мокрому асфальту. Я присела собирать их, хотя понимала всю бессмысленность этого занятия.

— Девушка, вы в порядке? — спросил мужской голос.

— Великолепно. Просто устраиваю пельменям экскурсию.

Мужчина не засмеялся. Протянул мне бумажный пакет из кофейни.

Я подняла голову. Тёмное пальто, строгие черты лица, глаза цвета мокрого камня. Такие мужчины обычно не останавливаются ради чужих пельменей.

— Возьмите. Он прочнее.

— Спасибо, — пробормотала я.

Он кивнул и пошёл к чёрной машине. Я поднялась, сделала шаг назад и услышала неприятный металлический скрежет. Ручка моего чемодана — я успела забрать вещи из офиса — прочертила длинную светлую линию по дверце его автомобиля.

Мужчина обернулся. Посмотрел на царапину. Потом на меня.

— Это, — сказала я, — наверное, худший день в моей жизни.

— Судя по машине, теперь и в моей неделе появился интересный эпизод.

Я ждала крика. Вместо этого он достал телефон.

— Ваш номер?

— Вы хотите вызвать полицию?

— Пока нет. Сначала хочу узнать, как вас зовут.

— Алиса.

— Максим. И, Алиса, перестаньте собирать пельмени. Они уже не спасутся.

Почему-то именно после этих слов я впервые за весь день расплакалась.

Он присел рядом, не прикасаясь ко мне, и подождал, пока я смогу вдохнуть без всхлипов. Дождь уже закончился. Сквозь облака торчал холодный свет уличного фонаря.

— У вас есть куда идти? — спросил он.

— У меня есть подруга. И кот, который меня ненавидит.

— Значит, план вполне реалистичный.

— А у вас есть план относительно машины?

— Сначала вы перестанете плакать, потом сфотографируем повреждение. Не вижу смысла менять порядок.

Он достал из багажника упаковку бумажных салфеток. На белой коробке красовалась надпись автосервиса. Я рассмеялась сквозь слёзы.

— Вы заранее готовились к встрече со мной?

— Нет. Просто у меня в машине всегда лежит то, что может пригодиться. Кроме ответов на странные вопросы.

Мы обменялись номерами, а Максим вызвал мне такси, хотя я упиралась и предлагала добираться автобусом. Номер его телефона сохранился как «Максим — царапина». Когда такси отъезжало, я увидела в заднее стекло, как он стоит возле машины и изучает след от моего чемодана. Я решила, что больше никогда его не увижу. В моём положении это было бы разумно.

Соня встретила меня в коридоре с большим полотенцем. Её кот Арчи посмотрел на чемодан, презрительно поморщился и ушёл. На кухне пахло лимоном и горячим тестом.

— Ты как? — спросила подруга.

— Такое чувство, будто меня стёрли ластиком. Из отношений, из работы. Из собственной квартиры.

— Квартиру ты снимала пополам с Ильёй. Он не имел права выселять тебя из жизни целиком.

— Я просто устала спорить.

— Сегодня можно не спорить. Завтра будем выяснять, что твоё. И я не про мебель.

Мы сидели до двух ночи. Она не называла Илью чудовищем и не обещала, что следующий мужчина окажется прекрасным. Достала тетрадь, написала на первой странице «Что осталось у Алисы», а ниже — моё имя, мою профессию, мою способность находить смешное в несмешном. Потом добавила «неплохой вкус в ботинках» и «умение печь сырники». Я смотрела на список и понемногу начинала узнавать себя.

Глава 2. Неприличное предложение

Утром Максим Орлов прислал мне фотографию царапины и сообщение: «Ремонт можно обсудить за кофе». Я посмотрела на баланс карты. После оплаты аренды там оставалось столько, что хватило бы разве что на полировку брелока.

Я ответила: «Могу предложить рассрочку и искреннее раскаяние».

«Раскаяние принимается. Рассрочку обсудим в одиннадцать».

Кафе находилось в деловом центре. Я пришла на пятнадцать минут раньше, в единственном пиджаке, который не пах дождём. Максим сидел у окна с ноутбуком и двумя чашками кофе.

— Вы не спросили, что я пью, — заметила я.

— Поэтому взял американо и капучино. Выбирайте.

— А если я пью чай?

— Тогда впервые за утро я ошибся.

Он произнёс это с таким серьёзным лицом, что я неожиданно улыбнулась.

— Сколько стоит ремонт?

— Достаточно, чтобы вы перестали смотреть на меня как на судебного пристава.

— Вы уклоняетесь от ответа.

— А вы работаете дизайнером?

Я замерла.

— Откуда знаете?

— На вашем чемодане была наклейка агентства. Я посмотрел портфолио на сайте. У вас хорошие работы.

— Больше не мои. Вчера меня уволили.

Я открыла портфолио на своём телефоне и машинально перелистнула страницу с макетами той самой кампании, которую в агентстве так и не запустили. Там был двор с длинной скамьёй под липами, вечерние окна и слоган: «Есть места, где тебя знают по имени».

— Это ваша работа? — спросил Максим.

— Моя. Хотя вчера мне объяснили, что теперь всё созданное за рабочие часы принадлежит агентству.

— Исключительные права определяются договором, а не интонацией начальницы. Возьмите копию и покажите юристу.

— У вас в каждой беседе есть пункт о договоре?

— Почти в каждой. С моей бывшей невестой это, кстати, не помогло.

Он произнёс последние слова и будто пожалел о них. Я сделала вид, что не заметила.

— Послушайте, — сказала я, — если вы хотите просто закрыть вакансию, я не лучший кандидат. Я сейчас плохо сплю, постоянно теряю ключи и вчера плакала из-за пельменей.

— Я видел. Но у вас есть профессиональное чутьё. Его не отменяет плохой вторник.

— Сегодня уже среда.

— Тем более. Прогресс.

Он показал фотографии гостиницы до ремонта. Там были дешёвые пластиковые стулья, пыльные пальмы в кадках и ковровые дорожки с выгоревшим узором. Но за ними угадывалось красивое здание с широкими окнами и странной круглой комнатой на верхнем этаже.

— Что это? — спросила я.

— Старая библиотека. Мать любила там читать гостям вслух. Когда она умерла, отец запер помещение.

Максим тут же свернул фотографии.

— Впрочем, это не относится к задаче.

Я подумала, что как раз относится. Невозможно сделать живое место, если старательно прятать то, ради чего оно когда-то существовало.

Максим отодвинул ноутбук. На экране был сайт сети небольших гостиниц. Строгий, безликий, словно его собирали из шаблонов в полночь.

— Мне нужен человек, который сделает из этого место, куда хочется возвращаться. Не просто логотип. Историю. Атмосферу. Название новой гостиницы у моря. У нас шесть недель до открытия.

— И вы предлагаете это женщине, которая поцарапала вашу машину?

— Я предлагаю это дизайнеру, чьи работы мне понравились. Машина тут ни при чём.

— А если я откажусь?

— Получите счёт за ремонт. Вполне законный, но не катастрофический.

— Прекрасная свобода выбора.

— Не люблю, когда меня неправильно понимают, — сказал он, и голос стал холоднее. — Вы можете отказаться от работы и заплатить за ремонт частями. Эти вопросы не связаны.

Мне стало стыдно. Не потому, что он был прав, а потому, что я успела придумать за него худшее.

— Почему такая спешка?

— Инвесторы хотят открытие до декабря. Моя команда умеет строить здания. Но не умеет объяснить, зачем людям в них жить.

Я открыла презентацию. На фотографиях было старое приморское здание с деревянными балконами, узкими лестницами и окнами в пол. На последнем снимке — терраса над серым морем.

— Здесь нельзя делать очередной «премиальный отдых», — сказала я. — Это место про возвращение. Про право начать заново.

Максим посмотрел на меня внимательнее.

— Именно это я и хочу услышать от команды.

Мы проговорили два часа. Он спорил с каждым вторым предложением, но записывал каждое первое. В конце протянул мне договор на проектную работу.

Я не стала подписывать договор сразу. Попросила отправить его мне по почте, выписала вопросы о сроках, доступе к материалам, авторстве и возможности самостоятельно выбирать подрядчиков. Максим слушал так внимательно, будто мой список требований доставлял ему удовольствие.

— И мне нужен фиксированный гонорар, а не обещание заплатить, если всё понравится, — добавила я.

— Разумеется.

— Ещё я не беру работу в счёт ремонта вашей машины. Это две разные истории.

— На этом я и настаивал.

— Хорошо. Потому что я собираюсь делать замечания вашему вкусу. Бесплатно было бы обидно.

Он вдруг улыбнулся — коротко, словно забыл, что это можно делать. Затем назвал сумму. Я сдержала удивление только потому, что в этот момент пила кофе. Сумма позволяла спокойно искать новую постоянную работу и рассчитаться с долгами по отменённой свадьбе.

— Это обычная ставка? — спросила я.

— Для специалиста, которому доверяют концепцию и запуск, — да.

— Но вы меня почти не знаете.

— Есть испытательный этап. Первые десять дней. Если окажется, что я ошибся, мы разойдёмся и вы получите деньги за сделанное.

Впервые за последние сутки кто-то предлагал мне не пожалеть себя, не «начать с чистого листа» и не «выглядеть посильнее», а конкретную работу с понятными условиями. Я почувствовала опасную благодарность и тут же напомнила себе: зарабатывать деньги — не то же самое, что быть спасённой.

— И ещё одно условие, — сказал он.

Я насторожилась.

— Никаких личных отношений внутри проекта. Это мешает решениям.

Я рассмеялась слишком громко.

— Поверьте, Максим, последнее, что мне сейчас нужно, — роман.

— Тогда мы прекрасно сработаемся.

Он не улыбнулся. А я почему-то почувствовала, что это обещание будет трудно выполнить.

На улице я позвонила Соне.

— Ну как встреча с владельцем царапины?

— Он предложил работу.

— Это обычно делают на собеседованиях, не у магазина в дождь.

— Работа настоящая. Гостиница у моря, ремонт, открытие через шесть недель. Он ещё установил правило: никаких отношений внутри проекта.

Соня присвистнула.

— Случайный мужчина предупредил тебя, чтобы ты в него не влюблялась? У него высокая самооценка.

— Или большой опыт катастроф.

— Алиса, только не делай из работы новую систему жизнеобеспечения. Ты умеешь забывать о себе, когда нужно кого-нибудь убедить, что всё прекрасно.

Я хотела возразить, но вспомнила свадебные туфли, которые выбирала под рост Ильи. Наверное, Соня была права. И всё же, когда я села в метро, во мне неожиданно проснулся азарт. Шесть недель. Старый дом. Чистый лист, на котором ещё никто не успел написать, какой я должна быть.

Дома я достала большой блокнот и положила рядом исписанную Соней тетрадную страницу. На первой чистой странице написала: «Проект: Маяк». На второй: «Границы». Туда попали сон, еда, право спорить с заказчиком и выходной хотя бы раз в неделю. Внизу я добавила: «Не путать чужое внимание с любовью». Через минуту зачеркнула последнее слово и написала: «Не торопиться».

Глава 3. Дом, который помнит

Гостиница называлась «Маяк», хотя настоящего маяка рядом не было. Здание стояло на окраине приморского городка, где ноябрь пах солью, мокрыми соснами и хлебом из пекарни у вокзала.

Мы приехали через три дня. Я — с папкой эскизов, Максим — с привычкой отвечать на звонки быстрее, чем люди успевали договорить. У входа нас встретила управляющая Вера Павловна, невысокая женщина с серебряной косой.

— Наконец-то, — сказала она Максиму. — Я уж думала, вы опять пришлёте людей, которые назовут старые двери «неэффективными».

— Вера Павловна, двери останутся.

— Посмотрим, что скажет ваш сметчик.

Она повела нас по коридорам. Под ногами поскрипывал паркет, в холле пахло краской, а на лестничной площадке висела выцветшая фотография молодой женщины в светлом платье.

— Это моя мама, — тихо сказал Максим, заметив мой взгляд.

Я удивилась. Он никогда не говорил о семье.

— Она здесь работала?

— Она придумала это место. Отец построил. Потом всё пришло в упадок.

Вера Павловна отвернулась к окну, будто давала ему возможность закончить мысль. Но Максим уже поднялся на следующий этаж.

Вера Павловна, заметив мою задержку у фотографии, подошла и поправила криво висевшую рамку.

— Елена Сергеевна сама выбирала обои. Вон те, с мелкими золотыми звёздами. И пекла гостям шарлотку, когда кухарка болела. Считала, что хорошая гостиница начинается не с рецепции, а с того, что человеку здесь становится спокойно.

— Сколько лет вы работаете?

— Двадцать семь. Знаю, где скрипит каждая доска. А теперь приехали люди с лазерными линейками и предложили заменить всё на одинаковое.

— Они хотят уложиться в бюджет, — отозвался Максим с лестницы.

— Бюджет не объяснит гостям, почему исчезли их любимые окна.

Он уже собирался ответить, но посмотрел на меня.

— Вы что думаете?

— Что иногда дешевле отремонтировать, чем заменить. А иногда — наоборот. Давайте считать, не спорить заранее.

Вера Павловна кивнула, будто неожиданно обнаружила во мне союзника.

На втором этаже мы встретили мастера Тимура — широкоплечего мужчину с короткой бородой и планшетом в руках. Он объяснил, какие перекрытия ещё можно укрепить и почему нельзя просто повесить красивые светильники в коридоре, где старая проводка едва выдерживала чайник.

— У меня нет ничего против красоты, — сказал он. — Но желательно, чтобы она не загорелась.

— А у меня нет ничего против безопасности, — парировала я. — Только давайте не будем превращать дом в поликлинику.

Тимур хмыкнул, а Максим впервые при мне признал, что обсуждение проекта оказалось полезнее утреннего совещания с подрядчиками.

Пока мужчины спорили о нагрузке на балки, я открыла одну из гостевых комнат. На стене за шкафом сохранились детские карандашные отметки: «Миша, 1999», «Миша, 2000». Судя по расстоянию между линиями, Миша рос быстрее, чем хотелось его родителям. Я сфотографировала надписи. Мне вдруг пришло в голову, что настоящая роскошь этого места — не новая мебель. А время, которое здесь кто-то оставил.

Вечером мы разбирали старые рекламные материалы. Я нашла коробку с открытками, написанными гостями двадцать лет назад. «Спасибо за тишину». «Здесь мы помирились». «Впервые за долгое время я выспалась». Одна карточка была подписана: «Мы вернёмся, когда научимся быть счастливыми».

— Вот, — сказала я. — Это и есть название кампании. Не роскошь, не вид из окна. «Место, куда возвращаются».

Максим долго рассматривал открытку.

— Слишком сентиментально.

— А вы слишком боитесь сентиментальности.

Он поднял глаза.

— Мы обсуждаем концепцию или мой характер?

— Пока концепцию. Но характер мешает.

Я ожидала раздражения. Вместо этого он едва заметно усмехнулся.

На следующий день я расставила собранные открытки на длинном столе в столовой. Пригласила Веру Павловну, Тимура и двух девушек, которые должны были заниматься гостями после открытия. Одну звали Марта, вторую — Жанна. Марта училась заочно и воспитывала младшего брата после смерти матери. Она сразу выбрала карточку: «Спасибо, что разрешили остаться до вечера — мы ждали поезд».

— Это писал мой дедушка, — сказала она, понизив голос. — Мы приезжали сюда, когда я была маленькой. Тогда у нас не было денег на другой отпуск. Вера Павловна разрешала брать с собой пирожки из столовой.

— Бесплатно? — машинально спросил Максим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.